

The background of the entire page is a repeating pattern of red roses and black outlines of leaves and stems on a white background. The roses are stylized with multiple layers of petals. The stems are thin and curved, with small leaves attached.

Надежда Комарова

Зиночка

Повесть

Надежда Николаевна Комарова

Зиночка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34709233

SelfPub; 2018

Аннотация

Рождённая во время войны у любящих друг друга слепого шахтёра и пианистки Зиночка стала круглой сиротой. Автор рассказывает о драматическом жизненном пути девочки, о её подругах, о любви, о детском доме и после выпуска во взрослую жизнь. О том, как чужие люди становятся родными и как родственники игнорируют родную кровь.

Зиночка

Надежда Комарова

Моему родному многострадальному Донбассу посвящаю.

Глава I

У БАБУШКИ ГАНИ

Ранним зимним утром по городу Одессе с мешком через плечо шагал двухметровый, в темных очках, с побитым угольной пылью лицом, человек. На его широких плечах сидела маленькая девочка в цигейковой шубке, кроличьей шапке, валеночках и с муфточкой на шее. В левой руке человек держал металлическую палку, правая рука лежала на плече худенького, в оборванной одежде, подростка. Они шли по улице с частными домами – просились на квартиру.

Никто не пускал эту странную компанию, и только в конце дня им открыла низенькая, сутулая старушка. Подросток попросил только постельку для Зиночки, а они с дядей Колей где-нибудь в уголке поспят, а из еды у них есть хлеб, сахар и макуха, на что хозяйка радушно ответила:

– Заходите, всем места хватит,– и уже в доме продолжила,– одна я живу. Сынок еще в начале войны погиб. Разде-

вайтесь. Зиночка, а ты слезай со своего трона. Не бойся. Иди ко мне.

– Спасибо вам, добрая женщина. Мы уже не надеялись. Думали снова на вокзале ночевать. Никто нас не пускал, – сказал Николай, опуская дочь и снимая с плеча мешок.

– Боятся люди незнакомых пускать. А от вас какая беда? Дети да инвалид. Что это с лицом у тебя? На ожоги не похоже, – спросила старуха, раздевая Зиночку.

– Уголек это, – после взрыва .

– Чего только не бывает! Ой, заговорила я вас. Сейчас воды погреем, выкупаются. У меня свекла есть вареная. Муки немного выменяла – затирушку сделаем. Тебя как, мальчик, зовут?

– Миша.

– А меня тетей Ганей зовите. Пойдем, Миша в сарай за хворостом – печь будем топить.

Тетя Ганя хлопотала на кухне, а квартиранты вытащили из мешка свою еду. Получился отменный ужин: затирушка с макухой, сладкий кипяток с хлебом.

Сытые, накупанные, в чистой постели, дети спали крепким сном. А тетя Ганя перестирала Зиночкино белье, достала из сундука школьное пальтишко сына, хлопчатобумажный костюмчик, рубашку – все это повесила на стул рядом с кроватью Миши – его одежду бросила в печку и сожгла – никакой штопке она не подлежала.

Николай в ту ночь уснул с трудом. Поворачивался с боку на бок, поглаживал дочкины волосики, вздыхал, вставал курить, снова ложился и только к утру забылся в беспокойном сне.

Хозяйка видела беспокойство квартиранта, но не задавала вопросов. На рассвете сбегала к соседке, заняла у нее яйцо, напекла блинов.

Такого внимания и добра они не ждали,

– Спасибо вам большое, тетя Ганя, – сказал Николай. – Вы нас балуете.

– А люди и должны баловать друг друга. А то как же жить?

Сытые и чистые Николай, Миша и Зиночка, предупредив тетю Ганю, что вернутся вечером, захватив с собой ме-

шок с баяном, вышли из дома.

Рынок был недалеко от вокзала. Здесь продавали и меняли все, что можно продать и выменять на еду. Мальчишка с ведром холодной воды ходил по рынку и кричал: «Три копейки – не беда! Есть холодная вода!», и хотя было далеко не жарко, жаждущие находились, платили копейки и пили воду.

Устроившись подальше от слепого танкиста со следами ожогов на лице, который играл на гитаре и пел фронтовые песни, Николай сказал:

– Ну что, Зиночка, покажем концерт Одессе?

– Покажем, папочка!

Отец растянул баян, а она, закружась в танце, запела:

А девочка Надя, чего тебе надо?

Ничего не надо, кроме шоколада!

Шоколада нету. Дайте мне конфету.

И конфеты нету.

Больше ничего!

После этих слов она дерзко топала ножкой, дула губки. Толпа, обступившая их, бросала конфеты, деньги – кто чем богат, в мешок Мише. Хлопали, хвалили маленькую артистку, а она, довольная, готова была петь и плясать хоть до утра. Только бы папочка играл на баяне.

Собрав подаяния на этом рынке, можно бы идти и на другой, но надо было еще сходить в Военкомат и узнать о Мишином отце.

Только поздно вечером они вернулись в теплый и гостеприимный дом тети Гани, где их ждала горячая вода. Заработанных продуктов хватило на всех, еще и осталось. Дети, уставшие после трудового дня, быстро уснули, а Николай собрался выйти покурить.

– Кури здесь, Коля, я форточку открою, а дверь закрою – дым к детям не пойдет, – сказала тетя Ганя, убирая со стола.

В кухоньку ворвался свежий зимний воздух, встречая клубы табачного дыма. Хозяйка видела, что квартиранта что-то мучит, и знала, что он и эту ночь будет ходить, постукивая палочкой, курить на улицу, вздыхать, обнимая и целуя спящую дочь, гладить ее шелковистые волосы. Она по-

нимала, что человеку надо высказаться и тогда хоть немного утихнет душевная боль.

– У тебя, Коля, разговор не одесский. Откуда ты?

– Из Донбасса.

– А Миша по-нашему говорит.

– Он же одессит. Мы с ним позавчера познакомились на вокзале. Приехали, хотели в комнату Матери и ребенка устроиться, да него наткнулись – на полу спал. Беспризорник он. Его дом еще в начале войны немцы разбомбили. Мать с сестренкой погибли. Теперь он отца с войны ждет. Все ходит к тому месту, где дом был, надеется, что отец тоже туда придет. Там теперь пленные немцы работают. Мы и сегодня туда подходили. Удивляюсь, как такой маленький пацан войну пережил. Взяли его с собой. Втроем нам даже легче.

– А где же Зиночкина мама?

– Умерла. Вот уже месяц скоро, как нет нашей Ксени.

Николай взял пачку от папирос, но она оказалась пустой. Он с силой скомкал ее и так держал, не разжимая кулак.

– Курить хочешь, Коля? Вот твои папиросы, – тетя Ганя подала ему новую пачку.

-Выйду на улицу покурю. Дом остудится.

– Ничего, я форточку прикрою, а потом проветрю. Кури, Коленька. Расскажи о Ксении – выговорись. Тебе легче станет.

Николай прикурил, глубоко затянулся и поведал доброй старушке свою грустную историю:

– У Ксениной мамы семь детей осталось, когда в тридцать восьмом арестовали ее отца. Уже без отца родилась Леночка, а Ксения старшая, и все заботы о семье легли на ее хрупкие плечи. Она в музыкальной школе директором работала. Зарплаты не хватало, так она еще и по домам бегала – уроки давала. А я в шахте забойщиком работал. Жил в общежитии, а в выходные в клубе на танцах играл. Так, для души. На баяне меня еще отец научил играть. Царство ему Небесное. Моя семья еще в тридцать третьем от голода вымерла на Ростовщине. Я вот так же, как Миша, один остался, только постарше его был. В Донбасс на заработки подался, наверное, за судьбой.

– С Ксеньей на танцах познакомился, Коленька?

– Нет. Она на танцы не ходила. Но увидел ее в первый раз в этом клубе. Концерт у нас был, а она на пианино играла – аккомпанировала, а потом ее ученица за пианино села, а Ксения запела.

Красивая, стройная. Волосы, как у Зиночки, светло-золотистые, глаза ясные, в длинном голубом платье. А голос! И так захотелось с ней познакомиться, но подойти боялся. Она такая красивая, нежная, а я простой шахтер, хотя тогда я не уродом был. С того времени не мог я жить спокойно. Она у меня все время перед глазами стояла. Стал у ребят про нее расспрашивать: с кем живет, где. А когда разузнал все, решил идти сразу свататься. Купил букет цветов, пошел в магазин, попросил продавщицу, чтобы взвесила всех конфет по килограмму, чтобы сумка полная была и пошел. Иду, ноги подкашиваются. Подошел к дому, а зайти не могу. Стою, на окна смотрю, а постучаться не смею. Ксенина мама меня в окно увидела и вышла с маленькой девочкой на руках.

– Вам кого?

– Вы Ксенина мама?

– Да отвечает.

Ну а я, вдохнул поглубже и выпалил все, что по дороге

повторял:

– Меня зовут Николай. Я шахтер-забойщик. Пришел сватать вашу дочь Ксению, – и сую цветы, сумку.

– Как сватать? – и смотрит на меня растерянно, с полукрытым ртом, но цветы взяла и меня в дом пригласила. А я ввалился в дом вместе с сумкой и, чтобы не молчать, говорю:

– Да вы не пугайтесь. Обещаю быть хорошим мужем Ксении, братом вашим детям, а вам сыном.

Ну, в общем, поженились мы. У них в финском домике жили. Хоть и тесно было, но хорошо жили, дружно. Семья крепко на ноги встала. Старшую Дусю на учительницу в область отправили. Костю – в горный техникум. Остальные кто в школе, а кто еще под стол пешком ходил. Ксения, конечно, уже по домам не бегала. Спокойно директорствовала. Чуть больше года мы прожили счастливо.

Николай взял свою палку и вышел на улицу с папиросой. Тетя Ганя не стала его задерживать. Наложил в печку хвороста, подождала, отодвинула на плите конфорки, поставила чайник, достала из буфета пачку чая, которую сегодня принесли квартиранты, кусочек рафинада, расколола его щипчиками, села на табурет и стала ждать.

– Давай чайку попьем, Коля, грузинского. Вы сегодня принесли, – сказала она, когда Николай вошел в дом, разливая чай по стаканам. – Я и сахарку приготовила, – подвинула блюдце с сахаром к руке Николая.

Они пили чай, но к сахару не притронулись.

– Рассказывай, Коля. Что же дальше было?

– А дальше был этот проклятый взрыв в шахте. Мои товарищи все погибли, а мне судьба в обмен на мои глаза подарила жизнь. Не буду рассказывать, как выхаживала меня Ксения, как учила заново жить. Шахта нам новый дом построила, мы вокруг него сад посадили, летнюю кухню построили. Шахта хорошо помогала. Пенсию хорошую назначили, да и собес платил за инвалидность, мы теще помогали и нам хватало. А тут война. Старшие братья ушли воевать, а мы с Толиком, когда немцы в город вошли, к ним в столовую устроились. Лошадь нам дали с подводой, мы делали все, что нам говорили. Моя сила, Толика глаза кормили всю семью. В войну из нас никто не голодал. Повар немец добрый был – мы каждый день еду домой приносили. В сорок третьем, – как раз, когда Донбасс освободили, родилась Зиночка.

Николай снова потянулся к папиросам. Глубоко заты-

нувшись, продолжил:

– Я же говорю, в войну не голодали. Братья, демобилизовавшись, у нас жили, а мы братика для Зиночки ждали. А тут не только голодно, да еще оказалось, что у Ксении сердце слабое. Не уберег я ее.

После похорон у нас все собрались, и соседка отоварила свои карточки – продукты к нам принесла. Помогала, ухаживала. Я не знаю, что на меня нашло? Испугался, что один не справлюсь – Зиночке еще и пяти лет не было. Вот из-за своей трусости расписался я с этой Тоней. Без регистрации жить не хотела. Но не мог я после Ксенички жить с ней. Попросил оставить нас. Потом закрыли дом, пошли на вокзал, сели в поезд и, как говорят, куда глаза глядят. От мучительной тоски хотелось убежать. Но разве от нее убежишь? Петь и танцевать Зиночку еще Ксения научила, да и мои способности пригодились.

Они еще долго сидели в кухне. Пили чай, разговаривали. Тетя Ганя рассказывала о себе, о муже, о сыне, о том, как жили при немцах, как прятались от бомбежек, а потом сказала, что это судьба послала ей Николая вместо погибшего сына. Теперь у нее есть и внуки.

Пришла весна. Зацвели сады. Воздух пах свежестью.

Везде продавали раков и живых, и вареных, а Миша просил тетю Ганю будить его с восходом солнца и уходил с мальчишками на Большой Куяльник выискивать раков. А тетя Ганя заранее ставила на керосинку кастрюлю с водой, и к Мишиному приходу вода закипала. И вся семья лакомилась сладкими раками. После завтрака семья уходила на работу.

Зиночка танцевала и пела. Когда она отдыхала, Николай пел довоенные песни, а Миша складывал подаяния в мешок. В Одессе щедрые люди, хотя, как и везде, жили по карточкам, но делились последним. Жизнь стала краше, когда отменили карточки.

Все уже можно было купить: раннюю черешню, клубнику, редис, лук, морковь. Да и у тети Гани был маленький огородик. Дети поправились, посвежели. Но тоска по дому не давала покоя Николаю. Его тянуло на кладбище, к Ксении, Сорок дней поминал в Одессе. Думал на полгода приехать, но уже и этот срок они поминали с тетей Ганей. Но ведь и дому нельзя без хозяев, и как не хорошо было жить у доброй, приветливой тети Гани, домой возвращаться надо.

Вот и наступил день разлуки. На дворе был сытый, добрый август. Николай купил ящик цыплят, мешок корма для них, чтобы тетя Ганя не скучала.

– Ой, Коленька, спасибочки тебе! Вот хлопот-то теперь! Вот хлопот!

– А с нами разве меньше было хлопот?

– Да что ты, Коленька! Как я теперь без вас? Остались бы!

– Спасибо вам, тетя Ганя. За все большое вам спасибо. К нам приезжайте.

Да куда ж я теперь от цыплят? Вы приезжайте. Зиночка, не забывай бабушку, – они плакали, прижавшись друг к другу. – Миша, пиши. Я в военкомат ходить буду, если что известно будет об отце, сообщу.

Прощались долго и тяжело. Тетя Ганя сложила в мешок их одежду, еду, баян. Николай перекинул мешок через плечо, на шею усадил Зиночку, опустил руку на Мишино плечо и – в путь из теплого и уютного дома. А впереди еще целая жизнь. Какие люди будут еще встречаться этой маленькой девочке на её жизненном пути, которая так гордо сейчас сидит на папиных надежных плечах?

Глава II

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

В шахтоуправление за пенсией они отправились втроем, потом собес и по магазинам – покупать все к школе для Миши. Николай уговорил директора, чтобы Мишу записали в четвертый класс. Он был уверен, что Миша догонит своих сверстников. В Одессе он много занимался и с помощью тети Гани научился читать, писать, решать примеры и задачи.

– Папа, я тоже учиться хочу, – заявила Зиночка, когда первого сентября с новеньким портфелем и с букетом цветов отправили Мишу в школу.

– Тебе еще рано. И что я буду делать один, когда вы уйдете в школу? Затоскую.

– А я быстро буду приходить.

– Быстро не получится. Надо каждый урок по сорок пять минут отсидеть. А уроков бывает и четыре, и пять. Не усидишь. Или усидишь?

– Нет, не усажу. Все равно в школу хочу.

– Потерпи еще годок.

К зиме они подготовились основательно. Шахта доста-

вила им три тонны угля, машину распиленных на маленькие чурочки и порубленных дров, прислали рабочих, и все сложили аккуратно в сарай. Погреб заложили картошкой. С помощью Зиначкиной бабушки – Александры Ивановны – насолили капусты, помидоров, огурцов. В ящиках, пересыпанные песком, стояли морковь и свекла, в бутылках подсолнечное масло и томат. Поближе к зиме Николай купил свинины, и они засолили ее в ящики и тоже спустили в погреб. Сахар, крупы – все это стояло в мешках в летней кухне, а чтобы не пробрались мыши, завели кота. Николай был уверен, что голод им теперь не грозит – отсюда беды не будет.

Однажды в воскресенье дети проснулись и увидели Николая вошедшего в дом с мешком за плечами. Мешок шевелился и визжал. Он аккуратно опустил поклажу и выпустил на волю маленького поросенка. Зиначка воскликнула:

– Ой, кто у нас есть! А как его зовут?

– Это девочка. Придумайте сами ей имя.

– Папочка, она улеглась на мешке. Спать хочет.

– Соня, – сказал Миша.

– Пусть будет Соня, – сказал Николай.

Дети гладили свинку по шерстке, смеялись, а она хрюкала от удовольствия, закрыв глаза.

Зима ушла. Солнышко согрело землю. Потекли ручьи. Они привели в порядок сад, посеяли и посадили все, что росло на донецкой земле. Грядки огородили от Соньки – ей позволено было гулять по всему двору. А спала она теперь на веранде, обвитой диким виноградом.

Тетя Ганя писала письма, звала в Одессу. Они приглашали к себе. Но у каждого были свои дела.

Тетя Ганя не могла оставить своих курочек, а Николая держало свое хозяйство. О Мишином отце известий не было.

Глава III

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ УЧЕНИЦА

В саду за вишнями поспевали сливы, яблоки, груши, кусты были полны крыжовника, малины, смородины. Все собирали, варили, консервировали, сушили. Зима большая – все пригодится. Лето пролетело и Зиночка всерьез засобиралась в школу. Потребовала, чтобы купили ей портфель, бук-

варь, тетради, ручку, чернильницу, форму. Все просьбы выполнялись безотказно – только бы не проронила ни одной слезинки.

Ее приняли с условием, если она не будет отвлекать учеников и что будет, пока привыкнет, сидеть на последней парте. Пусть хоть на последней, только бы чувствовала себя ученицей – радовался отец.

В первый же день учебного года во время первого урока, когда учительница только успела познакомиться с классом, тут же услышала тоненький голосок, доносившийся с последней парты:

– Тетя, я хочу кушать.

– Я вам уже сказала, что меня зовут Валентина Викторовна. И прежде чем хочешь что-нибудь сказать, подними руку. Кушать пойдем после второго урока.

Зиночка подняла руку.

– Я слушаю тебя, Матвиенко.

– Я хочу борща.

Валентина Викторовна вышла из класса, зная, что в коридоре стоит волновавшийся за свое чадо отец. Она не успела до конца сказать свою возмущенную речь, как обеспокоенный папаша, размахивая палкой, стремглав вышел из школы и прямым сообщением направился к Александре Ивановне за борщом. Домой ведь идти дальше, а ребенку очень хочется кушать.

– Коля, может вы поторопились со школой? Подождали бы, чтобы ей семь исполнилось. И пошла бы, как все дети, – сказала Зиновкина бабушка, но Николай ее уже не слышал.

Училась Зиновка в школе целую неделю. На большее у учительницы терпения не хватило. Девочка с последней парты срывала чуть ли не каждый урок, заявляя, что она хочет кушать, играть, писать на доске, что она знает все буквы, что умеет считать, выходила из класса, зная, что там стоит папа с баночкой еды. Поев, она снова садилась за парту, сложив руки, как примерная ученица, в коричневой форме и с большими бантами в маленьких косичках. И когда ей сказали, что она пойдет в школу на следующий год, успокоить ее было очень трудно. Отец метался по школе, уговаривая учителей, чтобы хоть кто-нибудь посадил ее за парту. Сжалилась над ней только Мишина учительница рисования. Один урок, рисуя в тетрадке, она высидеть могла, а потом ее забирал папа, усаживал на плечи, и они шли гулять в сквер, на рынок

или в магазины.

Глава IV

САПОЖНИК

В красном драповом пальто. В таком же капоре, в коричневых ботиночках, Зиночка сидела на плечах своего папочки и указывала ему путь. Он шел, стуча перед собой палкой, спокойно, уверенно. Желтые листья поздней осени стелились под его громадными ступнями. Моросил мелкий дождик. Они гуляли по рынку – делали покупки. К обеду они должны быть дома: Миша придет из школы – надо успеть растопить печь и разогреть обед.

– Хочу сапожки! Папа, я хочу сапожки! – раздался тоненький, но требовательный голос сверху. – Иди сюда, папочка, – дочь повернула лицо отца вправо. – Вот сапожки.

Николай опустил дочь на землю, потрогал сапоги.

– Так это же мужские.

– Сошьем и маленькие, – сказал продавец. – Только надо снять мерки.

– Вы можете прийти к нам домой? У нас еще мальчик есть. Мы и ему закажем.

Сапожник записал адрес и пообещал прийти в пять.

В их семье было принято: если человек вошел в дом, его надо пригласить к столу. И когда в пять вечера пришел гость, стол уже был накрыт. Познакомились. Гостя звали Федором. Он рассказал, что живет в Сталино, ездит по городам с обувью, которую шьют с другом. Снял Зиночкины мерки, сказал, что на Мишу у него есть сапоги, Пригласил его завтра к себе домой на примерку.

На следующий день Николай дал Мише денег, и после школы он отправился за сапогами.

Сапожник ждал своего покупателя. Миша вошел в маленькую комнату и окинул ее взглядом. Он посмотрел на односпальную металлическую кровать, заправленную суконным солдатским одеялом, рядом с кроватью стоял табурет и стол. Вдруг его взгляд остановился на увеличенной фотографии на стене. Он смотрел на нее, как замороженный, не отрывая глаз.

– Что с тобой, Миша? – спросил Федор, увидев, как по-

бледнел и растерялся его покупатель.

– Дядя Федор, откуда у вас эта фотография?

– Как откуда? Разве не похож? Это я в молодости и моя жена Анечка, а детей даже фотографии не осталось. Моя семья вся погибла. Эту фотографию я с собой на фронт взял. Вот увеличил и с собой вожу. А чего ты спросил? Да что с тобой?

– Я помню эту фотографию – точно такую. У нас дома. Это мои родители.

– Родители? – растерялся Федор, – и уже дрожащим голосом спросил: – А фамилия твоя как?

– Куренной, – протянул он нараспев, и голос его дрогнул. – Михаил Федорович.

– Мишенька, так ведь и я Куренной! Стало быть я твой отец!

Они крепко держали друг друга в объятиях и плакали.

– Сынок, родной, я ведь думал, что вы все погибли. Вернулся – нет нашей трехэтажки. На ее месте пленные немцы

завалы разгребают. Никого знакомых не нашел. И даже на учет не ходил становиться – сразу уехал к однополчанину – он адрес давал.

– Мы искали тебя, папа. С дядей Колей искали, – не отпуская отца, говорил Миша. Тебя до сих пор в Одессе разыскивают. Мы ведь заявление на розыск подали.

– А мама с Машей точно погибли? Может они тоже живы?

– Меня мама за водой послала. Я уже домой с водой шел. Вижу, люди бегут, что-то кричат мне, я не могу разобрать и тоже побежал. Куда люди, туда и я. Вдруг слышу сильный свист, грохот со стороны нашего дома. Я прижался к стене, мимо которой бежал, и дрожу. А когда наступила тишина, побежал домой, а дома нет. Только пыль и дым. Стал кричать, звать маму, но она меня уже не слышала. Они с Машей были в доме – ждали воду.

– Мальчик мой, родной, и куда же ты пошел, такой маленький?

– Я долго сидел около разрушенного дома – не знал, куда идти, а он все горел. Ночью пошел в подвал уцелевшего. Там еще были люди, И в катакомбах от немцев прятался. Говорили, что они таких детей увозили куда-то. Я боялся, что и ме-

ня увезут. Кто накормит, к тому и прислонялся. Меня никто не отталкивал, люди последней крохой делились. Особенно зимой было плохо. Холодно, голодно. Я у разных людей жил, меня никто не обижал. Папа, а я тебя представлял таким, какой ты на фотографии.

– Да, постарел я, сынок. Война многих стариками сделала. А я три ранения перенес. В госпиталях хорошие врачи были. Выхаживали и на фронт отправляли. Ноги, руки, голова целы, автомат держать можешь, значит здоров, но ты все-таки выжил! Мишенька, молодец! – Федор все сильнее прижимал к себе сына и никак не хотел отпускать, как бы боясь, что что-то может снова разлучить их. – А с дядей Колей где познакомился?

– Я в Одессе на вокзале ночевал. Уже улегся на полу около тети с узлами. Ждал, что она меня накормит, но она уснула, не обратив на меня внимания, а мне так есть хотелось! На вшей внимания давно не обращал. А вот когда голодный, не могу уснуть – лежу, ворочаюсь. Вдруг меня кто-то палкой в бок толкнул. Я сначала хотел выругаться, но смотрю: мужик громадный, в черных очках, а на плечах у него девчонка такая смешная. Сидит, как королева. Я сразу догадался, что он слепой. Они комнату матери и ребенка искали. Ну я их и повел, а там мест не было. Потом мы вместе ночевали на полу. Он перед сном накормил меня. А утром пошли искать квар-

тиру. Нас впустила добрая бабушка Ганя. Мы у нее жили, а потом сюда приехали, в дом дяди Коли.

– Везло тебе, Мишенька, на добрых людей, Николай сейчас ждет, переживает.

– Пойдем, папа, расскажем дяде Коле, что ты нашелся.

– Давай зайдем в магазин, возьмем выпить, закусить. Да, а про сапоги чуть не забыл. Примерь.

Сапоги пришлись в самый раз.

Глава V

МОЙ ПАПА НАШЕЛСЯ!

Дул порывистый ветер, низко плыли хмурые облака, поливая Николая мелким дождем. Он стоял у калитки, ожидая Мишу, и не понимал, почему у него так сильно болит душа. Просил Зиночку выглянуть на улицу: не идет ли Миша. Знал ведь, что он пошел по делу. Просто так по улице с друзьями не гулял, общался с ними только в школе. Но по-

чему его так долго нет и почему так беспокойно?

– Папа, Миша идет, а с ним дядя Федор мне сапожки несет.

– Может за деньгами? Так дал же Мише, сколько сказал. Сшить тебе так быстро не мог.

Отец с сыном подошли к дому.

– Дядя Коля, мой папа нашелся! – воскликнул ликующий Миша и вложил руку Федора в руку Николая.

– Федор твой папа? А вчера не узнал?

– Так Мишенька маленький был, когда я на фронт ушел. Да и я постарел. Если бы не фотография, которую Миша увидел на стене, так бы и не узнали друг друга. Точно такая дома оставалась и Миша ее помнил. Детская память цепкая.

– Так что же мы на улице под дождем стоим? Заходите. В доме и поговорим.

Николаем владело непонятное чувство. Конечно, он радовался за Мишу, и ему очень хотелось, чтобы нашелся его отец, потому что этого так сильно хотел Миша. Но что-

то мешало этой радости. Он никак не мог справиться с этим непонятным беспокойством. Может потому, что Миша оставит их с Зиной и уйдет к отцу? Так это его право. И эта мучительная боль уже была до того, как он узнал эту новость.

– Федор вручил Зиночке плитку шоколада, поставил на стол две бутылки водки, вытащил из сумки селедку, колбасу, сыр и с удивлением стал наблюдать, как Николай брал из миски картошку, ловко нарезал соломкой в тарелку. Взял щепоть соли, посолил, перемешал, подошел к плите и высыпал в сковороду, где уже жарилось сало, не уронив на плиту ни одной картофелины.

Пока Миша слазил в погреб за закусками, пока накрывали на стол, подспела картошка. Выпили за встречу. Федор рассказал, как он приехал после госпиталя в Одессу и, узнав, что семья погибла, он даже не зашел в военкомат, сразу поехал к фронтовому другу Сашке в Сталино. Он адрес давал, в гости приглашал. Он сапожник. Так у него и живет.

– Пойдем, Федор, посмотришь, как мы живем, – сказал Николай после второй рюмки. Это, где мы с тобой сидим, кухня. А это спальня. Здесь всегда тепло – она отапливается с кухни.

В большой комнате стояли две большие никелированные кровати, заправленные белыми покрывалами. На каж-

дой горки подушек, накрытых накидками. Ближе к печке стояла кровать поменьше – Зиночкина. Около стены возвышался громадный шкаф красного дерева, около другой такой же комод. На окнах беленькие занавески, на полу – самотканые дорожки в полоску. Из этой комнаты дверь в зал. Он тоже отапливается, но с коридора. В зале тоже была большая кровать, диван, стол, стулья, швейная машинка Зингер, этажерка с книгами, тумбочка с патефоном и такие же, как в спальне, дорожки.

– Хорошо живете. А кто это спит? – спросил Федор, увидев Соньку, спящую на чистой подстилке в углу за кроватью.

– Ты о свинье говоришь? Удивляешься, что она у нас в доме живет? Дети ее очень любят. В туалет на улицу ходит.

Мужчины вернулись в кухню, а Миша отнес корыто в спальню, налил ковшиком из выварки горячей воды, разбавил холодной до нормальной температуры, послал Зиночку купаться. Расправил постели, приготовил белье, ополоснул искупанную из кувшина, вытер полотенцем, надел ей чистую рубашечку и уложил в постель.

– Читай, Миша.

– Сейчас уберу корыто, вытру пол и почитаю. А ты пока

посмотри картинки.

За всей этой церемонией Федор наблюдал с большим интересом, и сердце его сжалось от умиления. Глубоко вздохнув, предложил:

– Николай, я хочу выпить за тебя. Спасибо тебе.

– Да ладно тебе, Федор. Давай лучше за тебя. Ты воевал, немцев бил, ранен был, жив остался.

Давай за это выпьем.

– Подожди, Николай, за победу мы еще выпьем. Ты меня не перебивай, я вот что хотел сказать. Мише хорошо у тебя. Ты не против, чтобы жил он у тебя и дальше? Я буду к вам приезжать, попозже, если позволишь, совсем переберусь. Мне бы только лучше руку набить в сапожном ремесле. Хочу быть таким мастером, как друг мой Сашка. Тогда я смогу здесь свое дело организовать. А? Что ты скажешь?

– Это надо у Миши спросить. Ему тяжело с нами. Даже футбол некогда погонять с пацанами.

В кухню вошел Миша.

– Я не хочу играть в футбол. Мне с вами и с Зиночкой интересней. А папа к нам переедет, – он подошел к отцу и они крепко обнялись.

Трое мужчин сидели за столом и молчали. Зиночка еще не спала.

– Николай, сыграй на баяне. Душа просит.

– Детям спать надо. Мише в школу рано вставать.

– Ничего, дядя Коля, я проснусь. Поиграйте.

– Поиграй, папочка, – послышался из спальни тоненький голосок.

– Ну, если просите...

Миша принес баян, и полилась знакомая мелодия: «По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах...» – запели мужчины во весь голос. А Зиночка после конца песни вылезла из своей постельки и потребовала «Девочку Надю». Папа играл, а она пела, танцевала, кружилась вокруг Миши. У Федора по щеке покатилась непрошенная слеза. А Николай во всю мощь растягивал баян. Непокойное чувство не покидало его.

Глава VI

ПРЕДЧУВСТВИЕ НЕ ПОДВЕЛО

В один из весенних дней в финском домике собралась взволнованная Зиновкина родня.

– Матвиенко наш разгулялся, – сказал старший брат Костя. – Соседи слышали, как поздно ночью вовсю играет баян и мужики горланят песни.

– Что он совсем спятил? – возмутился средний брат Витя.

– А Зиновке каково с пьяными мужиками? – сказала старшая сестра Дуся – высокая, статная, с косами, уложенными короной, учительница.

Александра Ивановна слушала разговор детей, сидя в уголке на табуретке, сложив на коленях руки. Худенькая, маленькая, в белой вышитой кофте, с покрытой белым платочком седой головой.

– Мама, надо что-то решать с Зиной, ведь ей осенью в школу. Как она будет учиться в такой обстановке? – не унималась Дуся.

– Решай.

– И решу. Надо идти в РОНО, объяснить, в каких условиях живет ребенок. Пусть оформляют в детский дом.

– А как же Николай? – тихо сказала Александра Ивановна, вытирая платочком глаза.

– А что Николай? С Тонькой сойдется и будет жить. Она же ему жена, – решила за всех Дуся.

Вскоре в дом Николая явилась комиссия. Они пришли именно в тот день, когда гостил Федор. Зина на коленях отца жевала колбасу, мужчины обедали. На столе стояла початая бутылка водки. Трое женщин взглянули на стол. Одна из них сказала, что они записывают детей в школу.

Николай продиктовал им Зиной данные и они ушли.

Зиной судьба решалась в кабинете РОНО в присутствии Ксении сестры Дуся. Она же придумала план, как

забрать племянницу, чтобы ничего не узнал Николай и не помешал. Зиночку пригласили в финский домик погостить у бабушки.

Николай знал, где находится дочь, но уже стемнело, а ее не ведут. Если оставили ночевать, то почему не сообщили? Волнение нарастало. Попросил Мишу, чтобы привел Зиночку. Но вскоре он вернулся и сообщил, что Зиночка пропала, что ее ищут. Они уже сообщили в милицию.

Николай стоял посреди кухни растерянный. Вот оно, что должно было случиться! Но если бы он знал, что может случиться ТАКОЕ!

– Миша, я пойду в милицию, а ты жди.

В милиции сказали, что ее ищут. А он стоял около дежурного и не знал, что предпринять. Потом вышел на улицу, не зная, куда идти, к кому? Кто поможет найти его дочь?

– Зиночка! – закричал Николай, падая на колени последи шахтерского городка. – Зиночка! – он бил кулаками по асфальту и выл от беспомощности.

– Николай, что случилось? – склонилась над ним участливая женщина.

– У меня украли Зиночку! Люди! Помогите! Найдите мою доченьку! Прошу вас!

Толпа молчала. Женщины плакали, мужчины едва сдерживали слезы. Они не знали, где дочь слепого шахтера.

– Милиция найдет Зиночку,– сказала та же женщина, – Николай, успокойся, вставай. Пойдем в милицию. Там помогут.

Дежурный старшина, фронтовик уже позвонил начальству. Он не мог выдержать такой жестокости. Нельзя так поступать с инвалидом. Знать, что дочь жива, здорова легче, чем быть в неведении, но начальник милиции приказал молчать.

Николай в дежурке курил папиросу за папиросой. Он вздрагивал при каждом скрипе двери, надеялся, что сейчас войдут и скажут: «Зиночка нашлась!» Но люди входили и выходили без новостей.

Старшина сидел за стойкой и тоже курил.

– Слушай, Николай, а к тебе комиссия не приходила?

– Какая комиссия? Какие-то люди приходили записывать Зиночку в школу. А чего ты спросил?

– То, что я тебе скажу, Николай, пусть будет так, что я тебе ничего не говорил. Ты мужик сильный.

– Давай не тяни. Что сказать хотел? Я чувствую, что здесь что-то не так.

– В детдом забрали твою Зиночку.

Николай сжал кулаки, стиснул зубы, скрипнул так, что скрежет разнесся по дежурке. Тяжело вздохнув, вымолвил:

– Спасибо, друг. Я все понял, Это змеиное кудло. Я тебя не выдам. Ты настоящий мужик. Дай пять. – Он крепко пожал старшине руку, и тот увидел, как из-под черных очков выкатилась крупная слеза.

Он шел, размахивая палкой, по темному спящему городу. Он шел к дому, который так жестоко предал его. Выдернул калитку вместе с навесами, отбросил ее в сторону, прошел к двери, со всего маху стукнул по ней палкой, потом еще и еще.

– Не тарабань – дети спят, – отозвался Костя.

– Сейчас буду бить окна, если не откроешь.

– Коля, не шуми – дети спят, – услышал он голос тещи.

– Откройте – шуметь не буду.

Дверь открылась, в доме уже не спали. Перепуганная семья сплотилась вокруг Кости.

– Где моя дочь?

– Мы не знаем, Коля, – сказала Александра Ивановна, опустив глаза.

– Мама, чем я перед вами провинился? Пропала ваша внучка, а вы спокойно спите в теплой постели и хотите, чтобы я поверил, что она пропала?

Все молчали. Николай нащупал табурет, сел на него. Хотел закурить, но, отбросив папиросу на пол, встал и вышел из дома.

Он не видел, что в его доме во всех окнах горит свет. Миша боялся уснуть. На часах уже пять. А дяди Коли нет. Подходил к калитке, выглядывал, снова заходил в дом, не

зная, чем заняться. Раскладывал и снова складывал Зиночкины вещи, кипятил чай. Он метался из комнаты в комнату и вдруг, услышав знакомый стук палки, выбежал на улицу.

– Дядя Коля, вы один? Зиночка не нашлась?

– Ее в детдом увезли.

– Как в детдом? Какой детдом? Зачем?

– Ты прав, Миша. Зачем? В какой детдом я не знаю. Сейчас они в каждом городе, и не по одному, В нашем ее точно не оставили. Ты спал?

– Нет.

– Ложись поспи. Главное, жива и здорова. Отдохнешь, поведем Соньку на рынок и поедем в Сталино. Все вместе решим, как будем искать Зиночку.

Глава VII

ДЕТДОМ

Зиночка с радостью согласилась прокатиться на «Победе», когда тетя Дуся подвела ее к машине. Она весело щебетала женщине, сидевшей рядом, а та все расспрашивала: как живешь, что умеешь. Девочка охотно отвечала, а потом спросила:

-А папочку и Мишу покатаете?

- Покатаем.

Машина ехала быстро и легко. Зиночку укачало, и она уснула на коленях этой женщины. Проснувшись утром в незнакомой комнате, увидела рядом с кроватью свои сапожки, на стуле – вышитую кофточку и юбочку. Оглядевшись, и ничего не понимая, оделась, подошла к двери, но она оказалась закрытой.

- Папочка! Папочка! – кричала пленница, стучась в дверь изолятора детского дома.

Дверь открыла незнакомая женщина в белом халате и, улыбнувшись, спросила:

- Ты уже проснулась? Пойдем, я отведу тебя в баню, потом познакомлю с новыми подружками.

– Я не хочу в баню. Я хочу к папочке.

Медсестра молча взяла ее за руку и повела. После купания на нее надели ситцевую рубашечку, синее сатиновое платье не по росту, чулочки, ботиночки.

– Где мои сапожки?! Я надену свою кофточку и юбочку.

– Наденешь то, что все. И перестань плакать. Здесь никто не плачет.

В большой рабочей комнате за столами рисовали мальчики и девочки. Воспитательница что-то писала за столом. На стене висела громадная картина – Сталин с дочерью на летнем лугу – написанная маслом. На другой стене большая карта Советского Союза, рядом стеллажи, на них книги, тетради, бумага стопками, ручки в стаканах, карандаши, чернильницы, перья, бутылки с чернилами. В комнате четыре окна, занавешенные белыми шелковыми занавесками, сшитыми ламбрекеном. Когда ввели новенькую, дети повернули головы и молча посмотрели на нее, а она стояла, опустив голову, и слезы катились по ее щекам.

– Клавдия Федоровна, это новенькая Матвиенко Зина, – сказала медсестра, подведя Зиночку к воспитательнице.

– Очень приятно. Давай будем знакомиться с группой.

– Я хочу к папочке! – заявила новенькая.

– Ты видишь, никто из детей не плачет и никуда не просится.

Зиночка увернулась и выскочила из комнаты, ее догнала воспитательница, усадила за стол рядом с девочкой, но она вскочила и побежала к окну, схватилась за трубу батареи, сжала губы и исподлобья смотрела на своих врагов.

– Ты смотри, какой звереныш. У нас таких еще не было. Дети, пойдемте на завтрак. Пусть сидит.

Все встали в строй и пошли в столовую.

После завтрака дети окружили Зиночку. Она так и сидела, прижавшись к батарее, склонив на колени голову.

– Вот возьми хлебушка – поешь, – сказала ей кудрявая девочка.

– Я не хочу.

– Потом захочешь, возьми. Меня зовут Галя А тебя как?

– Зиночка, – ответила она, не разжимая рук.

Группа дружно засмеялась. Они смеялись потому, что ласкательно здесь никого не называли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.